

ДИАНА АРБЕНИНА

БЕГ

Диана Арбенина

Бег

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2Рос-Рус) 6

Арбенина Д.

Бег / Д. Арбенина — «АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-105431-1

Новый поэтический «Бег» Дианы Арбениной фиксирует на бумаге песни и стихи: от ранних студенческих проб, через те, что стали классикой, до только-только пойманных рифм, издаваемых впервые. Бегущие строки вверяют себя 2017-му году – не в бесплотной попытке замедлиться, но желая дать возможность и автору, и читателю оглянуться, чтобы побежать дальше. Бег сквозь время, сквозь штрихами обозначенные даты и годы. События и люди становятся поводом и отправной точкой, пролитые чернила и порванные струны сопровождают как неизменный реквизит, строчные буквы «без запятых против правил» остаются персональным атрибутом и зовут за собой подпись «д. ар». Музыканту Арбениной нужна сцена, еще немного и исполнится четверть века ее детищу. Поэту Арбениной нужна черно-белая завязь букв и давно не нужно ничего доказывать. Разве что себе, но об этом не узнать. Зато можно бежать вместе с ней.

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2Рос-Рус) 6

ISBN 978-5-17-105431-1

© Арбенина Д., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

«Я называю эту книгу...»	7
одиночество есть	9
посвящается английским борзым	9
свобода	10
do you love me	11
я опять ушел	12
я могу уйти	13
можно закрыть дверь	14
мне холодно вчера	15
выдохнув	16
эшафот не сломался	17
брамс	18
ночное	19
25-й кадр	20
про тома йорка	21
чинаски	22
немым	23
туземцы	24
узелок	25
углы	27
немым	28
странно	29
немым	31
часовой механизм	32
немым	33
горелову	34
окопное	36
защита ферзя	38
с нуля	39
немым	40
хоккей	41
капитанская дочь	42
ностальгии	43
кротам кранты	45
скалолазы	46
одиночество есть	47
весной не умирают люди	48
сын	49
про бонни и клайда	50
эмигрантское	51
drums	52
в низовьях французских рек	53
киты	54
сохраняя сознание	56
p. s.	57
поэту мусора и брамса	58

в камин	59
бредбери	60
скульптура костей лица	61
спринтер	62
на елке у ивановых	63
финский	64
немым	65
xxl	66
немым	67
at last	68
сашенька	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Диана Арбенина

Бег

© Д. Арбенина, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

«Я называю эту книгу...»

я называю эту книгу – бег. бег по территории жизни.
именно бег ибо добравшись до меридиана я так и не научилась ходить.
я бегу. я всегда бегу. у меня нет цели.
у меня нет горизонта. бег ни от кого.
бег ни к кому.
бег ни – что важно – от себя.
бег ни – что неважно – к себе.
я бегу просто потому что умею и люблю только это.
я не тороплюсь. я никуда не пытаюсь успеть.
в известной среднестатистической степени мне еще все равно.
в известной фактической степени мне уже все равно.
движения совершаются от невозможности их не совершить.
ответы на «вечные» вопросы давно получены.
все предельно. все предельно ясно.
поэтому в сухом остатке – бег.
я бегу и вижу цветы. я не срываю их.
я оставляю их расти.
я вижу высокие красивые деревья и нащупав в кармане перочинный нож не испытываю
желания вырезать на их стволах свое имя.
кстати мое имя тоже условно. самое важное в нем – знак. знак охоты.
сочетание букв в имени уже не-важно.
я бегу а на линиях электропередач сидят птицы.
они поют. я не завидую их безусловной легкости.
я бегу мимо.
я бегу и вижу дома. как правило красивые дома.
мне не хочется иметь ни один из них.
даже с гамаком внутри.
я бегу и навстречу мне бегут мои любимые собаки.
я бегу мимо людей мимо звезд и зимы.
я бегу мимо океанов и гор.
я бегу мимо рубашек каналли и платьев шанель.
мимо гитар гибсон и ручек паркер.
мимо отеля астория и отеля риц.
мимо запечатанной наглухо бмв и кабриолета мустанг.
мимо фильмов феллини и джармуша.
мимо городов и континентов.
мимо тюрем и сцен.
мимо устриц и картошки-фри.
мимо колец-цепочек-жетонов-печаток.
мимо церквей и автобанов.
мимо кредитных карт и игровых столов.
мимо борхеса и буковски.
мимо йорка и беллами.
мимо пустых флагштоков и парусов с флажками-флюгерами на ветру.
мимо тех кто любит меня и тех кто сделал мне плохо.
мимо артема и марты.

мимо папы и мамы.
мимо тебя...

и это не прощание.
это радость.

это радость потому что в тот момент когда я пробегаю мимо вас все вы начинаете бежать со мной и вместе со мной ныряете в эту самую книгу срок которой жизнь.

мои спринтеры любви.
мои сталкеры духа.

д. ар
2017

ОДИНОЧЕСТВО ЕСТЬ ПОСВЯЩАЕТСЯ АНГЛИЙСКИМ БОРЗЫМ

ты
с видом побитой собаки по улице бешено мчалась.
задевала прохожих искусанными ушами.
головой упрямой мотала отчаянно-звонко.
и саднящие раны лизать на ходу успевала.
я
к тебе приближался стремительно как авиатор.
и уставшая шляпа моя все пыталась обнять подбородок.
подошвы ботинок скользили по влажному небу
измятой листвы в колючих осенних лужах.
мы столкнулись!

и ты неожиданно больно
прокусила мне руку когда я пытался погладить
твою нежную спину и капли разбуженной боли
обагрили асфальт зернами крошечных пятен.

1994

свобода

свобода это когда грызешь веревку зубами
свобода соль простыней обмотанных вокруг тела
новой победы измученной кашей признаний
свобода шум лифта ночью на кухне свет
не от свечи зачем? просто для чтения книг
свобода это когда ты ничей ни в чем нигде
ни за чем никуда ни во что никогда
свобода это деревянный шест
ломающийся в руках на высоте семь метров
и еще чуть-чуть
свобода это пот на лбу это пот на висках
это забытое слово «забуди» это улыбка «да»
это изумрудная чистота
и вопрос почему буквы вдоль белого листа черны

и какое кому дело что ты
побывав в руках моих
заставила захотеть забыть
я схожу с ума
из какого ты теста свобода
я короную тебя любимая
я короную тебя любимая
я короную тебя любимая

свобода спасибо тебе родная
ты колешь мне пальцы
избалованное дитя
ты жалишь изгиб плеча
и не шутя ты шепчешь слова звенящие в воздухе будней
ставшим вечным week-end'ом
между тобой и мной
между тобой и мной
между тобой и мной
между тобой и мной

1994

do you love me

вверх
так – вверх вверх
так
глубоко
внизу
пусть пусть пусть я ломаю стрелы из этих
голосов ибо не существует ничего
кроме голосов и стрел.
наступит день когда они придут к нам с тобой
и никто не скажет что мы «едем» «гоним»
будет вот так вот так!!!
и можно захлебываться в своей глотке
своим же горлом
и промелькнувшее слово «teacher»
уступит слову «darling»
и орать и стонать от боли покинутого
и поймут и умрут вместе
главное honestly! все можно
только honestly like a crystal.
я утону в себе.
а когда идет дождь – все умывают капли
блестят волосы виски теплы щеки мокры
а губы горячи do you love me?

они берут осторожными руками
твое солнечное сплетение и расплетают его.
ничего что ты не умеешь говорить им свое
пересохшее «спасибо»
просто не знаешь как это по-другому
do you love me?
камни летят вниз с горы:
один ударит меня под лопатку
другой пролетит в миллиметре мимо затылка.
вырастут крылья но я буду молчать
потому что do you love me?

и по восходящим прямым пунктирного цвета
неизъяснимо в молчании без дома без обуви
без воды в карманах
вот опять так обнимаю запястья
– do you love me.
do you love me?

1994

я опять ушел

я опять ушел. и не потому
что стал с годами чрезмерно горд
или слаб что не позволяет рулю
срываться с обрыва речных озер.
и не потому что куда-то спешил.
и не потому что кого-то искал.
просто вы не решались прийти
долго. от этого слишком устал.
но таки пришли и горло вперед
рванулось сметая стены границ.
и опять был обманут я вашим огнем
спешащим к многоголосию лиц.
но за нежность губ которую пил
(не доверяя впрочем словам)
за невозможный взлет темных бровей
я благодарен вам.
вы остались там забавлять себя
забродившим соком минувших лет.
а я вышел на улицу и вдохнул
тяжесть солнечных эполет.

1994

я могу уйти

я могу уйти.
и это не будет пафос.
или просто желание
выпить чашечку кофе
в непарижском кафе
где кто-то когда-то на пол
опрокинул пару глотков
закипевшей брони
для души не успевшей окрепнуть
от ночи объятий
аромата увы совсем
не кофейного свойства
лучше быть коленкором
чем стыть от рукопожатий
создавшего маслом картину
в раме застывшей крови.
но пока я стою
и вдыхаю запахи дома.
и отчаянно морщусь
от горечи отрешений.
оседает на связках
щемящего имени слово.
и плачет пан-флейта
от верности со-отношений.

1994

МОЖНО ЗАКРЫТЬ ДВЕРЬ

можно закрыть дверь не сказав тебе «все».
спуститься по лестнице чувствуя каждый шаг.
выйти на улицу и повести плечом:
от существа свободы заново сердце а в такт
движению век вольется ночной рассвет
в мое одиночество суммой случайных встреч.
(классики иногда слишком явно лгут
поэтому мало кто их способен беречь).
но прохладно. извне температура дна
эмигрирует вглубь горячего «ты».
казуистика скажешь? родная одна
ты сумела отдать себя волшебству простоты.
остается время чтобы закрыть глаза
лечь лицом на ладони свои (так увя верней)
и вспомнить как безупречно тонка была
шея ее в кольцах минувших дней.

1995

мне холодно вчера

мне холодно вчера и будет завтра.
немая безысходность в ритме боли
на муравьиный шест венок лавровый
нанизывает в такт и не вздохнуть.
актриса уронила запах тлена
на лацканы своей последней роли.
мужской пиджак и туфельки по крышам
как весело и славно падать вниз.
мессир! побудьте магом! вам возможно.
пусть тонок пульс и слезы дробью в горле
замусорен эфир. я стекленею
но покидаю воздух не дыша.
а страхи ни к чему: бесплотны тени
бесплатны мысли серебро реально.
а верность свыше данному союзу
была быть может даже хороша.

1995

ВЫДОХНУВ

выдохнув воду из легких солью пропитанных
он прицепил себя к пирсу усталый и пресный
солнечный Бог испачкавший губы в неистовом
лунном сиянии спину подставил
звнящему льду одиночества.
на потеплевшей щеке бликами клетчатой
воздуха ткани пил он предел ощущений
а после нырнул в поток золотой бесконечности
и взвыл плато ладони изранив в танце метели.
в кругах на воде кувыркались медные линии
ветреных рук оставшихся у изголовья
ее силуэта в проем деревянный вписанный
не красками не пустотой и даже не кровью.
настоянный купорос сочился меж стеклами
и поводом был для ошибок порой безразличных.
бережно телу внимая в ритме бессонниц
горло немело пытаясь держаться приличий.
и равенство дня с потолком а ночи с рассветом
сковало свободу его цепями сомнений
в неизмеримости чувств: не больше не меньше
но он не дал себе времени для суеты изменений.
вот так бы мы жили с тобой: имея в запасе
сорок семь лет оставшихся в общем кармане.
к небу ходили бы в гости на крепкий тропический кофе
и земля принимая бы нас пружинила под сапогами.

1995

эшафот не сломался

эшафот не сломался и айсберг не утонул.
отвратимость событий уже начинает пугать.
мы не стали ближе впустив наших чувств абсолют
в пустоту как усталый сапог в тревожную гать.
мы двигались медленно. кадры сменяли дни.
череда откровений довольна была собой.
ты любила кого-то когда-то но где они
было мне doesn't matter
как тот кто сейчас с тобой.
я верил в те дни в необходимость руля
и вкус печали хранили губы твои.
наш слаженный экипаж стартовал в сотый раз
и ты вышивала на флаге своем «позови».
мой дом еще спал но уснули уже фонари.
воздушные тени ныряли в тепло простыней.
раскрытая книга смешала страницы свои
как смешивал я череду пустопрожитых дней.
закрытая дверь и соло бегущей воды.
пахучее варево цвета древесной коры.
ботинка блестящий носок. платка белизна.
ключ в скважину. шаг за порог для новой игры.
ты ехала в город в извилистом теле змеи
и сны обесцвечены были уютом купе.
а улей вокзала готовил плацдармы свои
для нового данного Богом аутодафе.

1995

брамс

здесь время диктует броун.
а ночь не крепка фасадом.
на пыльном сукне спит муха
обнявшись со словом «crumbs».
а я распорола небо
чтоб не было очень сухо.
и в сгустке желаний плавал
томил свои пальцы брамс.
и лоб упирался в стекла.
и змеи свивались клубками.
я знаю когда ты спиною
хотя и не в полный рост.
песок барабаном в воду.
наследник зреет стрелою.
и в смерти слоновой кости
рождается матовый хвост.

1995

НОЧНОЕ

мимо глаз летят рыбы и птицы
мне душно и мутно
кто сказал что ночью нужно спать?

ты возвращаешься и молчишь. так тихо!
мы ходим и дышим
кто сказал что ночью нужно спать?

в углах моей комнаты пыль и покой.
зимние песни. тайны кошки в подъезде
но кто сказал что ночью нужно спать?

я жду весну и осторожно
мысли пускаю вовне.
много улиц
как много мостов и солнца – красиво!
кто сказал что ночью нужно спать?

мы вместе входили в метро. мы были в реке.
и ты никогда не возьмешь мою руку в свою.
но кто сказал что ночью нужно спать?

на деревьях в этом году много плодов.
и терпение вечно когда ты желанен
как парк динозавров.
но кто сказал что ночью нужно спать?

время идет. я не хочу закрывать глаза!
и мне интересно будет ли теплой твоя рука
когда ты закроешь их мне.
найди того кто сказал что ночью нужно спать.

1996

25-й кадр

в час когда шаверма теряет вкус
в час когда больше не лезет пиво
в час когда анекдотам не весело
в час когда джинсы в пятнах от водки
в час когда свитер шмонит табаком
как бешеный
в час когда лица друзей – плоские блинчики
я шатаюсь подхожу к окну
аккуратно отдергиваю сизые занавески
а там внизу стоишь ты
и так же как раньше так и сейчас
ты любишь меня.
и я не прощаюсь: никто не заметит
и я спотыкаюсь на гадких ступенях
ты целуешь меня и мы уже дома
и я утыкаюсь тебе в подмышку и засыпаю
счастливый. занавес.

2000

про тома йорка

мы рассекаем друг друга мгновенно.
нас миллионы и нам по колено.
мы курим при встрече. при встрече жмем руки.
мы сушим тела чтобы были упруги.
мы только штанами метем по асфальту.
нам юбки – измена. а платья – как спальник.

а я слушаю тома йорка
про самый уличный спирт.
и питерский дождь рассекаю
колесами мотоцикла.
и если ты станешь взрослой
и даже совсем не тоненькой
я буду любить тебя так же
как в наше первое лето.

мы врем нашим мамам. отцов мы не знаем.
мы кольца на самый большой надеваем.
мы травим чернилами голые плечи.
мы меряем силу ладоней – кто крепче.
целуемся в четную – узкие губы.
мы злимся когда обзывают нас грубо.
мы бьем без раздумий. с размаху и точно.
по-девичьи нежно. по-девичьи сочно.

мы любим орехи. мы белки с хвостами.
мы скачем по клубам. и схема простая:
сначала по пиву. потом по танцполу.
и градус крепчает. дальнейшее скоро
и быстро случится в кино в туалете
на заднем сиденье без света на свете.
для нас не проблема. нас больше – мы стая.
и нас по-иному уже не заставишь.

а я слушаю тома йорка
про самый уличный спирт.
и питерский дождь рассекаю
колесами мотоцикла.
и если ты станешь взрослой
и даже совсем не тоненькой
я буду любить тебя так же
как в наше первое лето.

2002

ЧИНАСКИ

мы погасили свет. принялись пить и болтать обо всем.
напротив нас на стене зажегся неоновый конь
кинотеатра «весна»
и он полетел. а мы целовались трепетно трепетно так...
дышали и знали что мы никогда не умрем.

чуть позже мы вместе легли в постель
и нас заливал неоновый свет
под красным крылатым конем разливалась ночь.

и лица краснели и лица белели 7 раз 14 раз
взмах крыльев – неоновый конь все летал и летал.

и так миновала одна из наших ночей
одна из лучших ночей:
красный крылатый неоновый конь
и покаянная грусть.

2003

НЕМЫМ

мы потеряли пешку
и буквы вовсе не те.
я чувствую – лето крадется
и плавится в темноте.
но есть ты и запах твой
навек впитанный мной
прекрасной дорогой ложится
между дождем и луной.

мы потеряли пешку
в клеточных лабиринтах.
я чувствую лето. так не было.
это же очевидно!
но есть ты и голос твой
навек впитанный мной
прекрасной дорогой ложится
между дождем и луной.

мы потеряли пешку
белого цвета кости.
мне стали невыносимы
походы в кино и в гости.

я чувствую необходимость
быть все время с тобой.
и сердце прекрасной дорогой ложится
между дождем и луной.

2004

туземцы

туземцы живут в горах а конкретнее
их дома располагаются в ущельях гор.
в безопасных отвесных скалах.
я не знаю кто их научил этой безопасности.
но цунами и лавины обходят туземцев стороной.
доходит до того что они сидят на циновках курят
альпийские травы и наблюдают катастрофу природы
не шевелясь и внешне равнодушно.

туземцы не знают что такое измена.
когда им случается влюбиться – они завоевывают
и забирают навсегда.

туземец живет 98 лет и знает только одну женщину.

туземец умирает когда убивает волка.
так принято.
когда туземец начинает глотать свои легкие
вместо воздуха он снимает со стены ружье и уходит.
никто не плачет. никто не бежит за ним.
все знают что туземец не вернется.
а время замерзает обращаясь в слух.

и когда раздается долгожданный выстрел
младший из сыновей протягивает матери винтовку
становится у края чернозема и смотрит как она
стреляет себе в грудь.
старшие начинают пеленать ее а младший поднимается
в горы и приносит тело отца и язык волка.
отца опускают в могилу
и кладут его голову на плечо матери.

туземцы самый счастливый народ.
их не смогла найти и изучить ни одна экспедиция.
их не смогла найти ни одна цивилизация.

говорят в их теле нет сердца.
говорят небо плачет за каждого из них.
говорят язык волка становится ласточкой.

а я не знаю кто мне все это рассказал.

2004

узелок

независимость хуже смерти:
под ударами все равны.
и крошится мозг. отрешенно
нервы любовью полны.

и я плавлю время
и есть не могу абсолютно.
и стремлюсь как фанатик
к тебе как бездомный к уюту.

и невдомек что никто
никогда не предан:
из двух влюбленных
один – влюблен. второй – следом.

2005–2013

москва держит небо
и стелет постели
а плечи атлантов
давно онемели
от тяжести неба
свинца килограммов
и хочешь не хочешь
захочешь быть пьяным
невнятным
бубнить
водку в губы макая
в подмышку скулить
промежтем выбирая
из двух исполинов
того кто накормит
икрой и свободой.

мы встретимся скоро
на невском.
украдкой на невском –
«простыла?»
и руку в карман
чтоб ладонь не остыла
и грела
карман соревнуя с морозом
твои заусенцы.
мы встретились сложно.
и сложно простились

не встретив друг друга
на кладбище диком
с цветами и вьюгой
и мальчиком
с равнодышащим веночком
«вам мамы!»
и больше ни буквы ни строчки.

2005

углы

жди меня!
на той стороне угла
где площадь течет
как река текла
и стала ручьем
упираясь в лицо
прохожих
пытавшихся
скинуть кольцо
с маршрута –
«я клерк в мониторной кишке»
с маршрута –
«с 8 до 7 на крючке»
с маршрута
«домой на работу домой»
мне странно
что я до тебя был живой
и ждал не тебя
под гипнозом угла
где площадь течет
как река текла
и высохла.
без ностальгии по дну
и память себе оставляя одну
о взглядах
где темных огней стремяна
но нет меченосцев
и кратер угла
городу больше не нужен.
а площадь течет
как река текла.

углы не становятся уже.

2005

НЕМЫМ

слишком много просят у Господа.
чую я – скоро мне скоро мне.
мы с тобой были отростками
и зеленели и зеленели.
а теперь земли во рту досыта.
и редкие взгляды в небо.
и откровенно жалею
на панихиде свекрови
о детях которых не было
о детях ушедших под парусом.

мне на ладонь свою ладонь положи
чтобы разрешить миру быть непогрешимым.

2005

странно

странно что в перспективе окна
площади рыбная величина
четко ложится на ребра усталого гриля.
и не моги запретить ей дышать
жабрами. и не дай Бог помешать
хвосту с головой заниматься нетленной любовью.

странно что кровь теряет себя
с потерей железа. мегерой терпя
сою. в сердцах тельцами оставшейся честной.
и не моги подменить ее код скоростью
мутной усталостью вод
давно не рожавших с любовью.

странно что здесь прохожих следы
пеленают себя не в капризы воды а в спицы велосипеда.
ухмылкой унылый рембрандт за окном
ревниво молчит и окажутся сном дома его светотени.
и не моги задержаться чуть-чуть в подсолнухах
в них сладострастно тонуть
пленившись жемчужиной слуха.

бледное утро. туман. будто север.
венеция или чукотка.
в слабости белых коленей
есть что-то сильное
непобедимое что-то.
и в клетку смотреть
не посмею – слезы.
может ты чувствуешь насморк?
тебе до сих пор не дали салфеток?
несите! и только красных!!
на мысе ботинка таятся рифы
и то что осталось от алиби.
дуй в меня выстрелом
пулей стаккато
цепким ядом каннабиса.
на крышах овчарками стынут эльзы:
им не приготовили кость!
мне бы хотелось в тебе замирая
чувствовать пряную злость.
и в полюсе где расцветают снега
и время рисует нули –
тоскует корма по корме
томится корма по корме

ложится корма на корму
и засыпает...

странно что все это видела ты –
но мне не сказала ни буквы.
странно что мне невесомости стыд –
неведом как веки наутро.
странно что я разлюбила тебя –
навзничь до Ъ знака.
странность со странностью явно в родстве
как холостяк и собака
странно что это дуэль. но один
всегда за спиной секунданта.
жутко ты корчила рожи слепым
под их глухое анданте.
мы не согрели в рейхстаге побед
и не разбавляли слюну
друг другом в то утро когда я ушла
тебя оставив одну.

2006

НЕМЫМ

мир состоит из прямых.
начиная с контура горизонта
кончая тростью слепого
обреченного никогда не увидеть
рассвет и ярко-красные горы.

мир трусоват. он прямой.
повезло если город где
вынужден жить — однополосный.
в противном случае автобана стрела
делает жизнь несносной.
по перилам скользит рука
в себе оставляя занозу.

мир негибает как прут
из каленой до белого стали.
я люблю рисовать. красок нет.
карандаши достали.

может стоит залезть
на нелепый крыши конек
и прыгнуть в асфальт
поцелуи спрятав в трубе...

не волнуйся. я просто тоскую мой друг.
я тоскую мой друг о тебе.

2006

ЧАСОВОЙ МЕХАНИЗМ

серенады печальных песен моих
превращаются в горсти песка.
зеркало дробью вьется во мне
танцует бездомный канкан.
и отчаяньем мажу и мажу себя
от голени до головы.
город голодный улицы жрет
вздыхают усталые львы.
любить себя невозможно.
все – блеф на кончике острия!
кончено! думала смерть обо мне.
толпились угрюмо друзья.
и я холодела шершаво касаясь
могильного шелка у рта.
хотелось чаю. но вместо него
слюной текла пустота.
и левый каблук опротивел
в ключицы впирая статику дна.
отрадно что в крематорий со мной
сегодня пришла весна
а время застыло – убогий банкрот –
в секундной и часовой.
и стало понятно что созданный мир
придуман был вовсе не мной.
но здесь как-то мертво и стыло лежать
по-прежнему мерзнет душа
и хочется выть и царапать крышку
каленной сталью ножа.
планы сбежать провалились –
мне плохо и здесь как было всегда.
одно преимущество – больше не надо
смеяться и рвать провода.

и взвесив все это не то чтоб на вес
мальчишечьим тая пушком –
прошу вас поверить в необходимость
по венам пустить молоко.

2006

НЕМЫМ

тоскую тобой тоскую!
пеленаю свой сон тобою!
влюбившись в тебя рискую
навек проститься с любовью
и гордостью. как перед смертью
богатые трут мениски
о землю. я сожалею
о том что мы были капризны
и раны как хлеб смаковали
и нервы тянули капроном.
я буду стеречь в тебе тайну...
в немыслимо сладкий хронос
лечу поднимая руки.
фаланги непобедимы.
приснись мне чтоб стало не страшно
приснись мне чтоб стали едины.

2006

горелову

в шахматах просто:
если мат – то мигрень.
лбы уронившие гроссы
не дают океаны займы.
и не замечают лоска
черно-белой тюрьмы.
а ты...
а ты – чудо-остров.
тебя обидеть что
ким ки дука заставить
встать на колени.
я цепенею от тайны в тебе
хрупкой тревожной загадки.
ты будешь таким дооолго.
и после меня будешь таким.

в шахматах бреют души.
и гамлет не столь резонен
сколь в феврале в аризоне
партия без туры.
а ты...
а ты свободен и дышишь!
три кошки в уютном доме
весну встречать наготове
как африканские львы.

в шахматах пот не принят.
линии режут линии
пересечения отныне
зовутся глаголом «съел».
а ты...
а ты влюбляешься в дробь
и в барабанном ознобе
ликуешь диктуя сердцу
единственно нужный ритм.

и я наблюдаю это.
и чувствую – скоро лето.
но не изменится почерк
девятого дня весны.
и вот еще что:
о платьях сестер
грезят младшие братья
и будто бы ищут защиты
у бесконечной длины.

2006

ОКОПНОЕ

война:
за тузами черви крадутся.
ты спи не храпи
хоронись за редутом
воздухом легких беги
в калибре свинца.
из мертвых капралов
одетых в мундиры
стекают сердца
в города-побратимы
и братским салютом
куражится сын за отца.

мне нет возвращенья
как нету привала
на венах людских
той что кровь смаковала
скрываясь под пыльной
вуалью
губернского дна.

и вера не здесь
и увы не в пшенице.
отчизна как мать
никогда мне не снится.
но я не ропщу:
на крыс
амуницию
вшивость бинтов
ржавые дула
предателей слева
союзников справа
беременность жен
пусть им просто надуло –
раз надо поверить – поверю
и в веру и в надю
пусть только в окопах
купается солнце
в любви перископах.
чтоб поваром пулю на завтрак
и сытым
как в детстве сладко уснуть.

так я не ропщу.
повторяю для умных

обычно с глазами крота
и младенца.
так я не ропщу.
и пар выпускаю
из нежного мертвого рта.

2006

защита ферзя

защита ферзя не всегда треугольна.
смотри! уже в утро вплетается завтрак.
и травы зеленым лоснятся. некстати
я наблюдаю рассвет.
и глажу по ткани: ни рубчик ни кроя
в лирических пятнах божественной крови.
стремлюсь окропить тебя талой водою.
на дне талых луж – душа.
повязка из шерсти. со мной старомодно.
я выгляжу будто сейчас из комода.
ты молод. хочу любоваться тобой
и раздевать не спеша.
повинная радость игрой колет жмурки.
я видеть люблю. но не слов закоулки.
а перспективу. цвет снимая с холста.
хочешь на небо? лети мимо пояса.
я не рифмую прошедшее с голосом.
звуки морозны как спирт бежит мимо рта.
и снова мне март разрешает тревогу.
потери потерпят. в картоне не жарко.
и я собираю все силы в дорогу.
поспи!
пожалуйста!

2006

с нуля

начни со мной спорить с нуля.
ничем не рискуешь:
земля
нас вровень уложит
в смолу.
я буду любить тебя даже
когда на время умру.

начни говорить мне «вода».
никто не утонет.
не сдвинется влево гранит.
а я стану ближе.
и может быть проще.
послушай эхо —
дрожит
янтарный паук между сосен.

начни перепрыгивать вслух.
я то что негоже — оставляю.
гашиш в амстердамском потсдаме —
для прусских овчарок магнит.

кто научил меня верить
что жизнь невозможна без риска?

2006

НЕМЫМ

март.
кончено.
отточено.
профиль орластый.
актрисы как зодчие
куют свои роли
и мнут кринолины.
жетоны имен просрочены.
мой долг — это я.
без смысла и цели.
земля каруселью
каруселью земля.
лелею весну для песен.
осень для стихотворений.
не ревнуй.

2006

ХОККЕЙ

нет обреченнее зрелища:
женщина смотрит хоккей.
вполоборота к воротам.
жизнь надоела до рвоты.
и нянчу чужих детей.
нет обреченной стены
параллельной поверхности шара.
я никогда не просила
я никогда не мешала
твоим танцам в лоне весны.
нет! я сказала что нет!
земли виртуально касаясь
я сердце гулять отпускаю
в аэродромный снег.
нет обреченнее двух
ставших навек перед прошлым.
нам разойтись невозможно
как взять у Бога взаймы.
и нет обреченной пути
чем мой. без поправки на север
туда где танцуют метели
и странного цвета сны.

2006

капитанская дочь

было. и много. но так никогда.
в кране запела от счастья вода
и захлебнулась у самого рта
того кто не знал поцелуев.
минус три ночи. три 8 на 3.
кто за штурвалом не видел земли
кто за штурвалом целуется сладко и сочно.
и капитанская плавится дочь
няне внимая и грезит всю ночь
шепотом: милый! мой преданный друг!
тебе я навеки невеста!

было: по реям рассвет протекал
в устья людей и казенных зеркал.
она наблюдала за ним:
он курил. он хмурился. ей было грустно.
челночить по берегу – смысл на нуле.
уж лучше балластом на корабле.
гарсон в одеяле как лошадь в седле.
7 дней тяжело без девицы!

было. я видела: суша кралась
приметой того что жизнь удалась
приметой того что нужно спешить
в каюту пока не хватились.
и выпустив ей на колени свой сок
гарсон второпях затянул пояс
«ты не провожай» попросила. кивнул
и тотчас уснул обновленный.
и был на корме уютный трамплин.
и руки сложив на манер балерин
она задохнувшись от слез и стыда
упала в немое пространство.
и долго искали. как скрепку в бюро.
а море качалось и словно росло
ее аккуратно доставив в нутро
без права дороги обратно.

2006

НОСТАЛЬГИИ

ностальгии мешает:

cargo

fragile

sting-а мантры

совести apologize

бабушка в целлофане перрона

мой паровоз под часами

и ticket что мечет икру в радужке проводника.

— ты похудела.

— а ты пахнешь ново.

— до встречи. пока.

— пока.

ностальгию ревнуют:

свежие помидоры

моцарелла

бокалов танцы

мы встретились целью имея

как можно быстрее расстаться.

кадрируем наспех крамолу

и звук течет мимо рта.

— мы в праже последний раз виделись?

— да. в праже. а может не там.

ностальгия диктует скорость

шагов по бегущей дорожке.

и параллельность усилий

двоих стреноженных прошлым.

лед под ногами майора

гвоздем прибывает к столбам.

но кислородные реки

ей явно не по зубам.

— а мне затянуться можно?

— держи. как тебе амстердам?

носталь

ностальгия

нокаут

наказан

казнен

азы буки

кирилл

(незнакомы)

мефодий

стоит

распростерши
руки.
и видит
как два
альбатроса
согласные
втайне
от гласных
пикируют
пиками
для поцелуя.
и тут же
становятся красным.

2006–2013

кротам кранты

не знаю что будет:
рассвет или закат —
когда ты ко мне вернешься
когда ты меня обнимешь
когда бесконечные волны
эфира изменят свой почерк
и мертвая радиоточка
в смятенье сорвется в канкан
уродливых запятых
а после нырнет в многоточье.

не знаю как будет:
город — исток без воды.
жажда маслин на деревьях.
искусственные плоды.
в песочнице варят варенье
для воробьев кроты
на ощупь. не зная что линзы
в оправе пластмассы — их тыл.
а проще — кротам кранты
в коде стихотворенья.

mon sher! концентрирую суть
без ссылки на затхлый гербарий.
позволь мне ремарку: людей
не время а ненависть старит.
плевать на планеты. есть ты:
в губах ежевика приманкой.
люблю тебя! радости стыд
мою протыкает изнанку.
мне будет не жизнь без тебя
не соль на рукав не зима
не книги не страх не печаль
не скулы потрогать впотьмах.
меня жжет в коленях побег.
мениск до туннеля сотру.
я буду бежать к тебе до
и после того как умру.

2006

скалолазы

слава Богу что я знаю точно что будет в конце:
параллельные рельсы и ты все узнаешь не сразу.
неглубокие шрамы на бледном скуластом лице.
и портье перед номером будет стоять как на страже.

слава Богу что я не успею тебе показать
свою старость и немощь и робость просить о заботе.
как колотится сердце! как хочется плакать! прицел
как всегда начеку и готовится мушкой на взводе.

слава Богу что быстро. что свет не успел догореть
промелькнув на сетчатке флажком и соцветием розы.
мы любили огонь. мы любили на пламя смотреть.
доверяю ему свою жизнь. и не чую угрозы.

слава Богу что Бог не успел помешать мне уйти.
и теперь наша встреча постфактум а значит формальна.
я вернусь на любимые скалы в изящной пылице.
не печалься прошу. догоняй. горы вьются спиралью.

слава Богу что я буду петь когда ты замолчишь
рассказав мне что стало потом. я простила всех сразу.
потанцуй для меня. и не дай мне опять умереть.
мы же в связке с тобой! навсегда мы с тобой скалолазы.

2006

ОДИНОЧЕСТВО ЕСТЬ

одинокчество есть человек во фраке.
много жалоб и слез.
я как теннисный мячик
отражаю себя от прозрачного тыла
что зовется столом.
я запомнил как стыла
на плите коммунальной
волшебная греча.
я отдал бы себя
всем кто хочет но вечен
мой восток и печаль под покровом дудука.
знала б ты как тогда я хотел твою руку
искупать в ласках гордых
в коварстве севана.
одинокчество есть нить подъемного крана
на которой висит поплавок из бетона
и ломает литейный на пустырь и бездомность.
одинокчество есть водка без наслаждения.
лучше кофе вино и безвкусные деньги.
заработать их не составляет усилий –
просто выйти и спеть. запеленутый в силу
голос мой дарит годы бессмертному залу.
одинокчество есть. и таится в вокзалах.
эмигрантом скулит на коленях обратно.
но я больше не верю. никому. только брату.
и не смей меня звать шифром азбукой морзе.
я ушел навсегда. все предельно серьезно.
салютую. пока. посошком сказки грина.
одинокчество есть. буду ждать терпеливо.
+ итог: одинокчество –
фрак вдет в петлицы.
четкий абрис лица.
загнут угол страницы.
и зима как наждак
по лицу будто в драке.
одинокчество есть человек во фраке.

2006

весной не умирают люди

весной не умирают люди –
ждут декабря.
как снег – что первый саван –
ранит землю.
обижена земля.
хрустит пугает настом
и ключи
опять утеряны.
и скважина молчит
в оцепенении.

Он не виновен в смерти.
Он молчит.
и делает как надо. Он уверен
в своих поступках.
качество добра
не в бесконечной жизни.
пусть хула
ему вдогонку.
каяться не время.

а я одна. по темя. я одна.
мой ракурс четко выверен до ноты.
и я топлю в сознании кого-то и спать люблю.
к тому же смысла нет
в бессоннице.
как смысла в рейдах нет
к холмам
где тоже любят спать
и спят без шансов
на утреннее солнце и омлет
на кофе. официантов реверансы.
и вроде бы в раю а счастья нет.

весной не умирают. ждут зимы.
весной назло смертям цветут мимозы.
ну! мама! не молчи! я стала взрослой!
и жму в горсти ключи. и жму в горсти.
а между пальцев вырастают розы.
я узнаю запястья. кровь стучит.
кричу и жду из детства отголоска.
напрасно. хоть кричи хоть не кричи.

2005–2006

СЫН

залогом нашей любви
станет наш сын.
цыган по крови́ как ты
волчонок как я.
я так тебя сильно люблю
что хочется выть.
не веря что ты
когда-нибудь бросишь меня.

залогом нашей любви
станет наш сын.
с твоей горчицей в глазах
и с шеей моей.
я так тебя нежно люблю
что плачу когда
тыходишь в меня
самым стройным
из всех кораблей.

залогом нашей любви
станет наш сын.
наш маленький принц
тебе камушки прячет в карман.
бредете вдоль моря:
боюсь как бы вдруг не простыл
наш мальчик
наш кроха небесная
наш талисман.

залогом нашей любви
станет наш сын.

2006

про бонни и клайда

никто не знает наших паролей.
боли братаний. привкуса крови.
вкуса слюны нашей под языками.
никто никогда не узнает.
никто не узнает как я тебе пела
так громко так сладко и вытекла мелом
тебе на ладонь
и с тех пор отдаваясь тебе
всегда раздевалась.
никто не узнает как мы цепенели
и после полетов друг к другу выросли
уже понимая реальность побега
в низовья французских рек.
и смерти отныне я есть благодарна
за этот немыслимый щедрый подарок
за двадцать второе мне в сердце дыхание
за клайда и бонни. за бонни и клайда.
и я знаю все: все что с нами случится –
ты будешь лететь над обрывом как птица.
а я ртом согрею холодное дуло
и я догоню тебя. милый – придумай
нам в следующей жизни иные пароли –
без пороха. я так устала от крови.
мы счастливы будем. я чувствую это.

мы оба погибли тем летом.

2006

эмигрантское

у всех есть могилы. мою закопали.
недолго стояли. недолго рыдали.
чтоб дело ускорить (замерзнуть светило)
бутылку распили с трудом через силу.
и юркнули разом к канистрам с бензином
кидая по ходу: дурная погода
и рафы 4 не джипы а ведра
а бэхи с нуля покупать не резонно
твой синий порше был ударом сезона
в голландии гаш лучше чем в казахстане.
и разом рванули и разом не стали...
и тут наконец ко мне белки спустились
и пир начался. продолжался всю зиму.

а летом меня отнесли к пароходу
по трапу подняли и кинули в небо.
и тело мое птицей таяло в ветре
и в море растаяло скоро.

2006

drums

я сточу себя в малый
барабан. сточу себя в малый.
сердце стучит стучит стучит
раной. на высоте груди
мерзнет – крови не больно.
я пьяный хожу без слез.
без апелляции к Богу.
игры со смертью настольны.

чисто – пол подмели.
эхо изжогой – ау! ау!
я плачу слезами назад
сиротой без тебя живу.
фильмы смотрю твоими глазами
затылок теплее меда.
ты мое темя любила часами
детством сочился возраст.

веки – в окопы ресниц. хриплю
лидокаином сугроба.
я как тебя никого не любил
включая ключицы Бога.

прими меня как надобность взрыва
как радость в присутствии горя.
я чист я чист я чист как младенец
траншеи висками рою.

сточи меня в малый.
барабаном стучит сердце –
влюблен в тебя заново.
можно я поцелую тебя
в сердца открытую рану?!

2006

в низовьях французских рек

в низовьях французских рек
мы скоро с тобой заживем.
ты будешь кровли латать.
мы будем растить коров.
и я забуду что я на песни меняла любовь.
мы будем вдвоем с тобой.
мы будем вдвоем с тобой.

мы стонами будем дразнить
аукать и тешить леса.
мы кроху сына родим
и назовем как отца.
со мной ты забудешь всех
кто был с тобой до меня.
мы не возвратимся домой.
мы не возвратимся в моря.

в низовьях французских рек
мы сладостно заживем.
прошу никогда мне не лги!
из прошлого вырастет лен.

когда нам случится земля
мы вместе вернемся домой.
и кровью сплетаясь в корнях
погибнем ты – я за тобой.
и мальчик две капли как ты
влюбленный в индейцев и в снег
тебя и меня отнесет
в низовья французских рек.

2006–2013

КИТЫ

киты обнимают друг друга боками.
их мясо невкусно. их тело грубо.
мне дали на пробу. я долго жевала.
а после в сугробы блевала.
наверное в сердце кита спят олени.
стремятся в леса и противятся лени
китовой. и тычутся нежно
рогами в солнечное сплетение.
и кит сердцем дышит. и кит грациозен.
немного неловок (спасибо природе).
и я доверяю ему свое тело
и мы с ним танцуем несмело.
...и я поняла что кита полюбила.
гарпун поломала ружье утопила.
и в мае нырнула ему на колени.
и он подарил мне оленей
что жили в нем сердцем
как верные стражи.
но я отказала ему – стало страшно
что всюду вода без намека на сушу.
расстались без слов – так честнее и лучше.
и быстро остыла. а летом узнала –
убили его. свеживали на скалах.
и не было слез: сердце заиндевелось.
но каждую ночь он приходит. несмело
меня обнимает и мы до рассвета
танцуем. он нежно мне гладит колено.
но сны исчезают как тени.
мне так не хватает оленя.

2006

я не знаю чем пахнет кино
и чем пахнет экран.
я не знаю чем пахнет твой рот
хоть его целовал.
я лишился всех запахов
будто орех скорлупы.
я не чувствую насморка зная
что точно простыл.

я не знаю чем пахнет печаль
тех кто спит в сапогах.
я не знаю чем пахнет трава
умирая в стогах.

я не знаю чем пахнет гортань
захлебнувшись в любви.
я не знаю чем пахнет мениск
без колена брони.

но когда мы хотим и ты льнешь
пластилином к плечу
аромат пеленает меня
и вползает змеей.
я не знаю чем пахнет весь мир.
и я знать не хочу.
есть единственный запах. он плен.
и ты знаешь — он твой.

2006

сохраняя сознание

сохраняя сознание
думаю рвано и ранено.
до тебя два часа
не принять больше лопастей
чем по заданию.
некрополь строили заново
успев забыться корнями.
и ты спросил меня когда-то верю ли я в группу п.
я подавилась словами
ответила нет нет нет нет.
так вот держи как я думаю:
из вас из всех
ты – единственный
и самый тонкий.
плюс еще не придумали
песню про походы налево.
и не жди. про нас никогда
ее не придумают.

2006

p. s.

смотри ситуация – я приезжаю в одессу.
ручку прошу стесняясь просить чернила.
пасмурно. львы без ушей. без имени церковь.
нарциссы остовов домов игнорируют крышу.

мне дарят лосьон. он мужской. занозы жжет хвоя.
моя сексуальность – загадка. без права на верность.
я баб ненавижу. как смог. вдыхаю суть женщин.
мечтаю о платье аскета нежнейшего кроя.

стремителен омут друзей.
(что за дурь – лимузины!)
мы бьемся взаправду:
тебе люб есенин. мне – гете.
коверкают рот мемуары.
шаланды красивы.
в бойницах платанов
улитками спят пулеметы.

и вот ситуация – я приезжаю в одессу
мы с другом из разных племен
но мы ровня по сердцу.
мой друг уже здесь. и готовится стать оголенным.
ему 35. он смеется. и пахнет младенцем.

2006

поэту мусора и брамса

он нищ. он клошар. невысокого роста.
пьет виски и трахает баб в 90.
и сперма сметаной протухла в ширинке.
чернил маникюр от печатной машинки.
охотно блюя трассу стелет плевками.
о сальные стены буксует руками.
коррозией пасти мнет тело фарфора.
чуть легче – клянется что бросит и скоро.
и метит очко пивом с привкусом гадким.
ползет и потеет и льнет к новой банке.
и в кресло вползает как мальчик в пижаму.
и вечер как в детстве – в постели кинжалы.
он классику любит. смолит пахитоски.
да да я о нем. его имя – буковски.

он всем хвалил брамса. навязывал прозу.
а таял в стихах и любил берлиоза.

2006

В камин

на закате насквозь отлученное от государства
ярко-желтое солнце особенно жжет сетчатку.
безусловный защитный рефлекс диктатурой по векам.
повинуюсь. порукой мороз и сугробов лекарство.

все случилось когда был октябрь.
мне решительно сложно
написать изложением суть нашей горестной брани.
задыхаюсь фильтруя калибр тонких дамских сигарок
и язык клейкой липы листом прилипает к гортани.

и мы хуже врагов. чувства вздулись и лопнули мылом.
и стреляя друг в друга мы корчились но не жалели.
и я знаю что смерть – это кровь когда сердце остыло.
лучше руку – в камин
чем заплакать уткнувшись в колени.

2006

запах юга печален как мы на плацдармах перрона.
запах юга отмечен крылатыми без провожатых.
я тебя привезла как невесту знакомиться в город
зная ты уже любишь его: ты жила в нем когда-то.

в этом городе сушат белье во дворах парусами.
флагом реют пижамы и ветхость рубаш не зазорна.
ты ходила и гладила все. обнималась часами
с этим городом. колокола вам кивали влюбленно.

я тебя не ревную. компас стрелкой гнется на север.
и от инея сердце печет и седеет затылок.
в этом городе как виноград воронье на платанах.
мои руки. балкон. красота в объективе застыла.

запах юга бездомен как море где мы были порознь.
запах юга острее иглы. в уши намертво имя.
я тебя привезла в этот город таинственно-нежный
как невесту. без права на то что будут другие.

2006

бредбери

конец войны пришелся на ноябрь.
дешевая гостиница. шезлонги.
дождь как у бредбери. распятые зонты.
и – не поверишь – мерзнут перепонки.

я здесь два дня. решительно один.
терзаюсь от капризов носоглотки.
лечиться не в привычке – все само.
нет ничего прекрасней русской водки.

берлин как и тогда. кирпич в кирпич.
хожу до ресторана и обратно.
и девочки плющами выют углы.
готовы и за марки и бесплатно.

я не могу ни с кем. прошло шесть лет.
измену чувствуешь уже в прихожей.
я знал их всех в лицо. я шел в кино.
и спал как в плащ-палатке в макинтоше.

я был как мальчик. я такой сейчас.
нелепый для нее с момента встречи.
европа постарела и гниет.
и равнодушна к винегрету речи.

я отпустил ее. не знаю сам
зачем. она была одна такая.
со мной с тех пор все было. все прошло.
я струсил.
каюсь каюсь каюсь каюсь.

2006

скульптура костей лица

потому что скульптура костей лица
не меняется от знаменателя
и количество гипотенузы морщин
не равняется сумме двух катетов.

потому что глагол давит спину и бьет
очередностью немощных гласных –
приходи ко мне! я приготовил тебе
пожар колючих соблазнов.

приходи. накормлю тебя нежным углем
нам двоим на нем спать будет страшно.
да я знаю что мы навеки вдвоем
и кто кого предал не важно.

и я поджимаю коленки в гробу.
я нежен как яблочка мякоть.
тебя застрелив я сразу уснул.
уснул не успев заплакать.

2006

спринтер

на финише я был небрежен:
носком черкнул по мелу.
и справа и слева орал:
я понял – что я пришел первым.
гудело в затылке. лоснились
виски ледяными ручьями.
все те кто дышал мне в затылок –
я знал – мне не станут друзьями.
я волосы мня в полотенце.
и жутко хотел текилы.
шампунь пах иллюзией груши.
я куртку на плечи накинул
и дернул оконную раму.
и прыгнул в траву. покатился.
когда побежал стало горько
что не с кем было проститься.

2006

на елке у ивановых

смерть наряжает елку в фотокарточки папы и мамы.
коленки скулят от йода. праздник – а хочется плакать.
и лишние вилки как ребра непойманной рыбы скелеты.
я в скатерти дырку сделал – меня отлупили за это.
и гости степенно на стулья за стол опускали спины.
и трепетно передавали друг другу салаты и вина.
и воздуха разом не стало в накуренном жарком доме.
я голову прятал от влажных духами пропахших ладоней.
меня целовали в щеки. в пунцовые мягкие уши.
ко лбу прижимались губами. виски царапали дужки.
жалели жалели и пили и пили и ватой хмелели.
и в бабушке плакала водка. он мне утыкался в колени.
и бабушка как изваянье крестилась привычно и споро.
и будто молитву шептала: мне скоро мне скоро мне скоро.
а в полночь часы прозвонили и били 12 ударов.
меня моментально забыли. меня моментально не стало.
а я стал дышать на узоры мороза в кухонной раме.
уверен – так будет теплее уснувшим папе и маме.

2006

финский

знаешь сегодня мне снилось
что я наконец вернулся
в твой город. и судя по снегу
был март. ветер рвался в уши.
мы шли вдоль залива и стыли
и целовались глазами.
ни с кем мне не было лучше
молчать и шагать часами.
мы передавали друг другу
одну на двоих сигарету.
во сне я так и не вспомнил
что бросил курить прошлым летом.
а снег умирая был липким.
забыв обо мне ты лепила
себя у меня в объятьях.
желанием таяли спины.
я в снег упал. и проснулся
и пил. и вода проливалась
текла по плечам коромысла.
ноябрь догорал. светало...

2006

НЕМЫМ

рыбу плашмя оглушили. съежился камень.
под сапогами скрипело.
тужусь руками.
в недрах карманов
под кулаками – заплаты.
мать любит шить
и дырам моим глупо рада.
она раздражает меня
суетой за обедом.
я скоро уйду
и я больше сюда не приеду.
еще ненавижу
когда она плачет над супом
как книги читает
прилежно склонившись
над лупой.
как льнет к моей куртке
как ноги мне кутает пледом.
уюду уеду уеду уеду уеду
пешком вертолетом телегой
в товарных сортирах
скрываясь в постелях у шлюх
на казенных квартирах.
так будет честней
чем блевать и давиться
заботой.
я мама не понял
зачем я родился
и кто ты.

2006

xxI

мы возвращаемся друг к другу. зима без снега.
щитом из спирта маскируем тоску и негу.
мне страшно думать о тебе. томлюсь ночами.
я тряпкой терла по столу когда прощались.
я свечи ставила. рублей глаза баюкал.
когда я пела – дождь пошел. сменился выюгой.
я растворялась. я текла по доскам сцены.
я знала что люблю тебя так сильно первой.
и отпустила. возжелав тебе всех лучших.
и на секунду умерла. вернулась ждущей
и верной сердцу. мы давно ему родные.
так с нами стало. так мы есть. и так поныне.

2006

НЕМЫМ

я опускаю ружье: охота закончена.
сердце впаяно в лед. пульей прострочено.
порви моим сердцем манжет.
воткни будто запонку.
не жалея со мной ни о чем
пожалуйста!

я что стрелял — сжал в кулак
гильзы горячие
прячу в нагрудный карман
как новобрачные
прячут в комод простыню
цвета пожарного.
не жалея со мной ни о ком
пожалуйста!

если бы лес мог скулить —
травы запели бы.
пытка китайцев смешна:
озеро в темени
под ледорубом хрипит
корчится жабрами.
не жалея со мной обо мне
пожалуйста!

вот тебе трасса — беги!
волки беспомощны
перед капканом. мороз.
струпьями волосы.
всех генералов твоих
я казнил и разжаловал.
не жалея ни о ком из них
пожалуйста!

2007

at last

в нашем воздухе трудно дышать.
все случилось внезапно. без повода.
ты остыл. я запомню тебя
по лопаткам до нежного ворота.
я тебя наблюдала таким –
я была тебе другом в то лето.
ты тогда точно так же остыл
раздраженный курил сигареты.
оставался у нас допоздна
панацеей мосты разводили.
мы смотрели кино до утра
мы тогда никого не любили.
мне не важно что было потом –
шлюха в платье от dolce&gabbana.
в казино ты проигрывал все
и смеялся влюбленный и пьяный.
и смотрел на ладони свои –
изучал географию линий.
и прощал ей измены. молил:
«что угодно. но пусть не покинет!»
спал в машине виском на руле.
просыпался от каждого звука.
миллиарды шагов во дворе
изучил по пергаменту стука.
на рассвете буравил озноб.
ты мотор заводил. пели птицы.
она кошкой вползала во двор.
и лениво бросала – «не спится?»
ты любил танцевать. но она
не любила когда ты танцуешь.
ревновала что ты – не она –
всех кто с ней несусветно волнуешь.
ты все понял. и ради нее
перестал танцевать. Бог с ним – с танцем
ты молил как тогда в казино –
«что угодно! но чтоб не расстаться!»

и летела зима. и февраль
был без ветра но падали гнезда.
были: рига подъезды вранье
и в подушку казенную слезы.
трупик розы в июле. не в счет
поезд в питер. кольцо в рельсы-шпалы
ты отчаянно им дорожил
но плевать что так странно пропало.

пытка ночью: не смей закричать
кулаком затыкать рот по гланды.
и молчать и молчать и молчать –
ты немой. раз так надо для правды.
все закончилось быстро как ртуть.
как французский пилот без рубашки
ты ушел от нее. ты ушел.

ей впервые тогда стало страшно.

2007

сашенька

ночь это вовсе не повод остаться в живых.
ощупью в черный кисель бесподобного неба.
карт-бланш – рисунком. от вязи арабов мигрень.
странно что тело течет вертикалью в постель
а для души вместо сна просит водки и хлеба.

мой нумерован мундир по количеству пуль.
жженные раны в груди образуются в цифры.
кошки танцуют вокруг. я с локтя их кормлю.
нервы в бульоне из соли лечу и топлю.
знаю что скоро. последняя просьба – пусть быстро.

ночь это слабость для тех кто с ней рядом не лег.
не целовал ее утром моля чтоб осталась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.